

Розенфельд А. З., Колесников А. И. Материалы по эпиграфике Памира // Эпиграфика Востока. М., 1975. Вып. 23.

Россия и Бухарский эмират на западном Памире. М., 1975.

Чунакова О. М., Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.

Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden; N.Y.; Köln, 1989.

Encyclopedia Iranica. CD-ROM Edition

Illiev A. The Isma'ili-Sufi Sage of Pamir: Mubarak-i Wakhani and the Esoteric Tradition of the Pamiri Muslims. N.Y., 2008.

В.А. Прищепова

КОЛЛЕКЦИОННЫЕ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Г.Г. ГУЛЬБИНА ПО ЖИЛИЩУ ТАДЖИКОВ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА ИЗ СОБРАНИЙ МАЭ

Данное сообщение представляет собой результат изучения полевых материалов Григория Григорьевича Гульбина, который на протяжении полевых сезонов 1926–1927 гг. выезжал в Таджикистан в составе Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР [Прищепова 1995: 186–249]. Он участвовал в обследовании населения долины реки Зеравшан по приглашению руководителя этнологической секции экспедиции крупнейшего ираниста Ивана Ивановича Зарубина.

В 1926–1927 гг. Г.Г. Гульбин привез из поездки для МАЭ предметные, собранные в Фальгаре (колл. 3339, более 400 ед. хр.), и фотографические коллекции (черно-белые снимки) (колл. 3488 — 28 ед.хр., колл. 3489 — 209, колл. 3556 — 199, колл. 3557 — 248). Каждый кадр собиратель сопровождал кратким описанием, которое чаще всего не раскрывает в полной мере содержание кадров. Дополнением к коллекциям являются экспедиционные отчеты, зарисовки и чертежи Г.Г. Гульбина.

К сожалению, большая часть этнографического материала, собранного участниками экспедиции, в частности Г.Г. Гульбиным, долгие годы оставалась неопубликованной. В процессе работы с экспедиционными отчетами исследователя бросаются в глаза пометки красным

и черным карандашами на полях его рукописей, сделанные, возможно, в 1950-е годы (а может быть, и в довоенное время). Однако в работах участников экспедиций, которые выезжали в эти же районы позднее, отсутствовали сноски на материалы Г.Г. Гульбина. Вероятнее всего, его полевые записи читал И.И. Зарубин при подготовке к публикации статьи о работе в Таджикистане летом 1926 г. [Зарубин 1927: 351–360].

Предание забвению трудов Г.Г. Гульбина, а затем вовсе его имени можно объяснить тем, что после работы экспедиции И.И. Зарубина фамилия этого сотрудника музея исчезла со страниц отчетов МАЭ — после его первого ареста в 1930 г. по «делу Академии наук» (по подозрению в антисоветской деятельности). Затем последовал второй арест, в октябре 1941 г. Точная дата смерти Г.Г. Гульбина неизвестна. Предположительно, он погиб в первые месяцы блокады во время бомбежки Ленинграда, когда находился в известной тюрьме «Кресты».

В 1926 г. основные работы экспедиции велись в верховьях Зеравшана с июля по октябрь. Верхний Зеравшан подразделяется на ряд районов. Самая верхняя часть долины называлась Матча, ниже Матчи — Фальгар. Ниже Фальгара, по течению реки Зеравшан (на левом берегу), начинался Пенджикентский район.

Судя по одной из фотоколлекций Г.Г. Гульбина 1926 г., выполненной в Ташкенте, город был начальной точкой маршрута экспедиции. Собрание негативов, привезенных из Ташкента, включало в себя сюжеты, связанные в основном с домашним бытом и одеждой узбеков. И лишь несколько снимков были по таджикам: образцы керамических сосудов ходжентской работы из коллекции востоковеда М.С. Андреева (колл. 3488). На основании этих материалов можно сделать вывод о том, что выдающийся ученый был знаком с участниками поездки и, возможно, помогал им в установлении необходимых в дальнейшей работе связей со среднеазиатскими исследователями и администрацией.

В отчете о работе летом 1926 г. И.И. Зарубин отмечал постоянное содействие местных учреждений, общественных деятелей и научных сотрудников, с которыми вступала в контакты экспедиция [Отчет... 1927]. Прежде всего, это относилось к Андрею Александровичу Знаменскому, уполномоченному Народного комиссариата иностранных дел по Средней Азии и председателю «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», и Нисару Мухаммеду, заместителю постоянного представителя Таджикистана в Ташкенте, который занимался вопросами просвещения и науки. Н. Мухаммед принимал столь горячее участие в делах экспедиции, что, по мнению И.И. Зарубина, мог считаться ее фактическим сотрудником. Например,

Н. Мухаммед совершил предварительную поездку в Пенджикент для организации экспедиции, снабжения ее транспортом и воинской охраной, а также сопровождал ее по Фальгарской и Искандеровской волостям.

Обращаясь к полевым материалам участников первых советских экспедиций в Среднюю Азию 1920–1930-х годов, нельзя забывать о том, что их работа протекала в сложных и даже опасных условиях, отряды исследователей сопровождала воинская охрана. Сотрудники И.И. Зарубина в своих отчетах отмечали, что коллекции для музея было приобретать очень трудно. Приходилось прибегать к обмену, в том числе и для получения продуктов питания для членов экспедиции. Отдавали при этом не только мелкие товары ширпотреба, но и предметы из обменного фонда МАЭ. Перед экспедицией И.И. Зарубину для этой цели музейный совет выделил двести семьдесят кусков и отрезов бухарских шелковых и полушелковых кустарных тканей из коллекций, подаренных эмиром Николаю II, «для приобретения взамен их этнографических предметов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1926. Д. 2. Л. 51]; см. также (МАЭ. колл. 2917–2920, 2935, 2936).

В 1926 г. после Ташкента исследователи продолжили путь в Самарканд, откуда отправились в Пенджикент, дальше по верхнему течению реки в Фальгар, Матчу и Ура-Тюбе. Научный сотрудник экспедиции Г.Г. Гульбин должен был заниматься изучением материальной культуры, некоторыми ремеслами, собирать вещевые коллекции, фотографировать и зарисовывать. Главной задачей его было знакомство с типом местного жилища.

К настоящему времени вышли многочисленные публикации, посвященные народному зодчеству населения Средней Азии, в том числе таджиков Верхнего Зеравшана. В них охарактеризованы сведения о жилых постройках, выделены локальные особенности северотаджикского и южнотаджикского жилища, разработаны теоретические основы типологизации этого объекта материальной культуры (В.А. Воронина, В.А. Лавров, А.С. Давыдов, Н.А. Кисляков, О.И. Смирнова, А.К. Писарчик и др.).

До Среднеазиатской этнологической экспедиции в литературе отсутствовали работы по традиционным постройкам Верхнего Зеравшана. Лишь в 1926–1927 гг. впервые началось плановое изучение традиционной культуры ираноязычного населения отдельных районов. Экспедиция, работа которой планировалась на несколько лет, ставила своей целью дать исчерпывающую картину жизни населения Таджикистана. И.И. Зарубин считал изучение типа народного жилища одним из важных источников для разработки многих проблем истории и этнографии северных таджиков долины реки Зеравшан. Немаловажным фактором

успешной деятельности сотрудников И.И. Зарубина было то, что все они были специалистами-востоковедами. Г.Г. Гульбин по образованию был тюркологом, окончил в 1916 г. факультет восточных языков Петроградского университета. С 1925 по 1930 гг. он работал в МАЭ.

Состав и тематические сюжеты фотографий Г.Г. Гульбина 1926–1927 гг. достаточно полно иллюстрируют разные стороны жизни таджиков. В его фотоколлекции входят портреты и типажи местных жителей. На снимках представлены одежда мужчин, женщин и детей, жилище, хозяйственные постройки, культовые объекты (мазары, мечеть), быт, утварь, занятия населения, средства передвижения, орудия труда.

Несмотря на то что территория Средней Азии представляла собой единую историко-культурную область, Г.Г. Гульбин выделял местные особенности, в частности в жилище, присущие оседлым земледельцам таджикам, которые проживали в этом районе. В материалах исследователя нашли отражение старинные формы жилища, бытовавшие в конце XIX — начале XX в. до периода коллективизации, когда изменился облик домов, строительный материал, техника постройки.

В полевых наблюдениях Г.Г. Гульбин пользовался основными принципами характеристики жилища, разработанными руководителем экспедиции И.И. Зарубиным. Опыт исследования этой стороны традиционной культуры участниками Среднеазиатской экспедиции позже учитывался при подготовке «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» [Васильева, Махова 1961: 123].

По мнению Г.Г. Гульбина, «кратковременность пребывания и хлопоты по приготовлению к дальнейшему продвижению заставили ограничиться довольно беглым обследованием г. Пенджикента» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 1]. Между тем его неопубликованные полевые материалы содержали ценную информацию по традиционному жилищу. Часть наблюдений исследователя подтвердилось более поздними сведениями участниками экспедиций 1940–1960-х годов. Но многое из его описаний (особенно фотографии, чертежи и зарисовки) остается оригинальным научным источником.

Изучение жилища верхнего течения реки Зеравшан Г.Г. Гульбин в 1926 г. начал с определения месторасположения кишлаков, планировки улиц и построек, размещавшихся «соответственно физическому строению почвы, благодаря чему подчас и наблюдаются селения, спускающиеся в виде ряда уступов», видя в этом влияние природно-климатических особенностей [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 1].

Огромной ценностью обладают снимки 1926 г., на которых Г.Г. Гульбин запечатлел панораму части Пенджикента, виды кишлака Урмитан

в Фальгаре, пейзажи улиц с постройками старого образца (в Урмитане с домами, расположенными ярусами), поскольку большинство примеров народной архитектуры тех лет не дошли до наших дней (МАЭ, колл. 3489).

Почти полностью утраченными оказались не только дома старого образца постройки, но и сами технологии их производства. Г.Г. Гульбин обращал внимание на материалы и технику строительства. Характерной особенностью строительной техники 1920-х годов являлось использование местных материалов, необожженного кирпича (*хишт*), дерева (в Пенджикенте и Фальгаре) и камня (в Матче) в качестве основного материала. Для постройки каркасов, колонн и балок чаще всего использовали тополь, для дверей — арчу (бурс в Матче). В более позднее время для постройки таджики начали использовать фабричный кирпич, что повлияло на облик кишлаков.

По сведениям Г.Г. Гульбина, материалом для фундамента (*такурси*) построек служили крупные камни. Их скрепляли между собой раствором — *лой*, который состоял из глинистой почвы, добывавшейся недалеко от места строительства, смешанной с водой. Раствор клали толстым слоем между камнями.

Сохранились полевые зарисовки Г.Г. Гульбина, на которых показано два вида кладки камней. На одном изображении способ кладки *хишта* (Пенджикент, Фальгар, кишлак Урмитан): камни уложены горизонтально. Исследователь отмечал, что такая техника использовалась для домов. На втором рисунке (кишлак Урмитан в Фальгаре и кишлаки Демирнор и Пальдорак в Матче) камни расположены ребром с наклоном рядами то в одну сторону, то в другую [АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 220. Л. 6]. Г.Г. Гульбин отмечал, что такую кладку устраивали для сооружения заборов. Если делали деревянный каркас стен, то балки, лежащие внизу (*таксинч*), рубили «в замок» или накладывали друг на друга.

В 1926 г. Г.Г. Гульбин встречал водосточные трубы местной конструкции (довольно редко). Внешне они напоминали деревянные корыта, вытесанные из нетолстого ствола, разрубленного пополам. Редкость использования этого элемента жилища исследователь объяснял дороговизной дерева [АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 4].

Нельзя не отметить полевые заметки, в которых Г.Г. Гульбин рассказывает о дверях. Исследователь выделил их в две группы — двустворчатые (в Пенджикенте и Фальгаре) и одностворчатые (в Матче). Большой частью двери изготавливали из тополя. Петли для дверей делали редко. Их заменяли выступами в верхнем и нижнем углах двери, свободно вращавшимися в отверстиях дверной коробки. В домах старой постройки

сохранялись двери из досок, грубо обтесанных при помощи топора. В качестве дверных ручек использовались металлические накладки на висящей цепочке, укрепленной на двери. В Матче в качестве дверных ручек были распространены кожаные и шерстяные веревочные петли.

Отдельного внимания заслуживает описание Г.Г. Гульбиным устройства деревянных замков, которые он встречал в удаленных от города местностях. Такой замок представлял собой массивный квадрат из арчи, тута с отверстием такой же формы, «в котором ходит подвижной клин». Отпирали и запирали замок при помощи плоского ключа, изготовленного из арчи или рога, «выступы которого соответствуют вырезам, где движутся запорные зубцы». Устанавливали замок на дверной коробке, изнутри дома.

«Довольно широкое отверстие, сделанное в стене дома, позволяет свободно запустить руку для отпираания и запираания замка», — объяснял в своем отчете Г.Г. Гульбин. [АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 8].

Делали такие замки специальные мастера *чубтерои*. Г.Г. Гульбин отмечал, что найти такого мастера было непросто, замки стоили дорого, по тем временам — полтора-два рубля.

Описание Г.Г. Гульбиным деревянной оконной рамы *дарча* переносит почти на сто лет назад. Верхняя часть рам могла быть украшена выпиленным рисунком, а нижнюю заклеивали белой бумагой вместо стекла. (Рамы со стеклами попадались, но, как замечал Г.Г. Гульбин, «очень и очень редко».) С помощью такой рамы решался вопрос освещения помещений при отсутствии окон. Их заменяли проломы в верхней части стен или крыше (Матча) или проемы рядом с дверьми (Пенджикент, Фальгар). В холодное время года днем раму вставляли в дверную коробку широко раскрытых дверей. Вечером раму снимали и двери закрывали. В Пенджикенте оконные проемы могли закрывать деревянными ставнями с внешней стороны. Но тогда их делали высоко от земли.

В описаниях расположения жилищ и хозяйственных построек, расположенных около него, Г.Г. Гульбин оговаривал, что между крайними пунктами исследованного района в этом вопросе существует громадная разница. Так, в Пенджикенте территория усадьбы делилась на две части и всегда была разделена высокой глиняной стеной. Кроме конюшен и помещений для рогатого скота, овец и ишаков, устраивали сарайчики для верховых животных приезжающих гостей. Около жилища располагались сараи для дров, сена, соломы и уборные (в виде небольшой, от-

крытой с одной стороны постройки без крыши, с отверстием в земляном полу, края которого обкладывали камнями или кирпичами). В Фальгаре уборные зачастую отсутствовали; если были, то в виде продолговатого возвышения, с отверстием в верхней части. Согласно полевым записям в Матче Г.Г. Гульбин уборных не встречал.

В своей полевой работе большое внимание Г.Г. Гульбин уделял изучению расположения и устройству очагов в доме, а также типам труб и дымоходов. На фотографиях 1926 г. изображения разных видов очагов, для варки пищи и печения лепешек (МАЭ. Колл. 3489–10: «Танур, глиняный очаг»).

Г.Г. Гульбин внимательно ознакомился с конструкцией отопительной системы помещений, в частности с разновидностями очагов *оштон* с дымовым колпаком Пенджекента, Фальгара и Матчи, о чем свидетельствуют его записи, зарисовки и фотоснимки (МАЭ. Колл. 3489–12: «Очаги с дымарами в кухне таджикского дома»).

Согласно материалам исследователя дымари различались по внешнему виду. Так, дымоход *мури* в Пенджекенте и Фальгаре имел три стенки, в Матче же передняя стенка отсутствовала. Г.Г. Гульбин отмечал, что по большей части под одним дымоходом устанавливали два оштона (большой для варки пищи, поменьше — для чая или разогрева еды). Иногда около оштона находилось три колышка *мех*, на которые ставили котел. Исследователь наблюдал, как иногда около большого оштона «где-нибудь в свободном углу можно видеть маленькие оштоны, устраиваемые детьми для игр» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 19].

Г.Г. Гульбин как одну из особенностей жилища таджиков Верхнего Зеравшана отмечал, что дымоходы они делали прямыми, каминного типа и очень большие. На основании данных исследователя И.И. Зарубин в своем отчете о работе экспедиции в сезон 1926 г. утверждал, что трубы являются характерным внешним признаком зеравшанского жилища [Зарубин 1927: 355].

В полевых описаниях и на фотографиях Г.Г. Гульбина зафиксированы дымовые трубы самой разнообразной формы. Он отмечал, что наиболее часто встречались мури в виде усеченного конуса. Этот вид труб считался наиболее типичным, они сохранялись в старых домах. В жилищах новых построек исследователю встречались трубы смешанных типов. Нередко попадались цилиндрические. Они бывали открытыми сверху. В таком случае верхушку трубы удлиняли и загибали, оставляя небольшие отверстия для выхода дыма. Цилиндрические мури могли иметь наверху сводчатое крестообразное перекрытие для защиты от снега, дождя и ветра.

В третий вид дымовых труб Г.Г. Гульбин выделил (как наиболее редкие) квадратные, сверху глухие, но имевшие вверху по бокам узкие полукруглые выходы для дыма. Еще реже попадались трубы в виде усеченной пирамиды.

«Очень редко встречается прямоугольная труба, которая оканчивается глухой крышей, покатою от центра к краям. Наверху трубы в каждой из сторон проделаны небольшие прямоугольные отверстия для выхода дыма» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 20].

В Пенджикенте Г.Г. Гульбин отметил еще один вид труб, который встречался в кухнях, построенных отдельно, в глубине двора. По форме они напоминали длинный прямоугольник, горизонтально вытянутый, с закрытым верхом, но в верхней части боковых стенок у них был проделан ряд отверстий для выхода дыма.

Хозяйственные постройки, хлева, конюшни также имели вытяжные трубы конической формы. Ни по устройству, ни по названию они не отличались от дымовых, которые устанавливали в жилищах.

В 1927 г. экспедиция продолжила детальное обследование таджикского населения верховьев Зеравшана. В области изучения материальной культуры максимальное внимание вновь было обращено на типы жилища и хозяйственных построек. Материалы об этом собирал главным образом Г.Г. Гульбин среди населения Искандеровской волости.

Достаточно полное представление о предмете исследования Г.Г. Гульбина дают его снимки, которые дополняет экспедиционный отчет исследователя (МАЭ. Колл. 3557). На кадрах показан уступчатый способ расположения кишлаков, улицы представляли собой «запутанные узкие коридоры, огражденные стенами домов, иногда очень низких, подчас упирающиеся в ворота чьего-нибудь дома» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 221. Л. 3].

Фото и архивные материалы Г.Г. Гульбина содержат сведения о внешнем виде местных построек, технические подробности строительства. Отдельные разделы иллюстративной коллекции и рукописи посвящены крытым террасам *айванам*, изучению их вариантов, назначению отдельных частей жилого дома. В 1927 г. Г.Г. Гульбин продолжил изучение традиционных очагов.

Летом 1927 г. стационарная работа экспедиции велась в кишлаке Шурмашк на р. Пасруд, откуда участники поездки выезжали по району в расположенные поблизости населенные пункты.

Г.Г. Гульбин обратил внимание на то, что начиная с кишлаков по Искандердарье и Сарытачу очаг начинал увеличиваться в размерах, занимая иногда значительное пространство в доме. Ученый также отметил, что отсутствовало строгое местоположение очага. Он мог находиться в жилом помещении то справа от двери, то слева. В районе работ Г.Г. Гульбин заметил несколько типов очагов. Как и летом 1926 г., наиболее часто встречался очаг в виде усеченного конуса. «Затруднения с топливом, заставляющие таджика экономить дрова, вызвали тип двойного очага» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 221. Л. 10]. Исходя из своих наблюдений автор выделил два варианта двойного очага.

Полевые материалы Г.Г. Гульбина затрагивают многие стороны традиционного быта таджиков Верхнего Зеравшана. Его метод исследования можно назвать комплексным. Он включает не только сбор вещевых коллекций, фотофиксацию, но и детальные описания наблюдений, графические документы и потому заслуживает дальнейшего глубокого изучения и публикации.

Несмотря на отсутствие печатных работ Г.Г. Гульбина по экспедиционным материалам, имя его как собирателя коллекций стоит в одном ряду с другими профессиональными этнографами, активно пополнявшими фонды музея по народам Средней Азии и Казахстана. В наши дни его отчеты о поездках, выполненные им наброски, чертежи, фотографии, вещевые коллекции, собранные в полевых условиях почти девяносто лет тому назад, представляют собой важный материал, отражающий культурно-историческое наследие народов Таджикистана.

Библиография

Васильева Г.П., Г.П. Махова Г.П. Программа сбора материала по жилищу сельского населения Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // *Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана*. Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. XLVIII. М.; Л., 1961.

Зарубин И.И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. // *Изв. АН СССР*. 6 сер. М.; Л., 1927. № 5–6. С. 351–360.

Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г. II // *Отчет о научных командировках и экспедициях*. Л., 1927.

Прищепова В.А. К этнографии народов Средней Азии и Казахстана: Материалы Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926–1929 гг. (по архивным данным) // *Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана*. СПб., 1995. С. 186–249.